

CULTURAL AND EDUCATIONAL WORK WITH THE YOUTH IS AN IMPORTANT MECHANISM OF POLITICIZATION OF THE YOUNG GENERATION (ON THE EXAMPLE OF VOLGA REGION AND URAL, THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY)

R. Masalimov, Candidate of History, Associate Professor
Bashkir State University, Russia

In this paper cultural and educational measures of the Soviet/Russian state authorities and the Leninist Komsomol, aimed at the politicization of the multinational youth, have been considered.

Keywords: youth, youth leagues, culture, education, politicization, People's Commissariat of Education (Narkompros), the Leninist Youth Communist League (the Leninist Komsomol, VLKSM).

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ РАБОТА С МОЛОДЁЖЬЮ - ВАЖНОЕ СРЕДСТВО ПОЛИТИЗАЦИИ ЮНОГО ПОКОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА, ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)

Р. Масалимов, канд. ист. наук, доцент
Башкирский государственный университет, Россия

В докладе рассматриваются культурно-просветительские меры государственных органов и союзов молодёжи в России/СССР для завоевания многонациональной молодёжи и привлечения её к своей политике.

Ключевые слова: Молодёжь, союзы молодёжи, культура, просвещение, политизация, Наркомпрос, РКСМ-РЛКСМ-ВЛКСМ.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.hp.v0i8.1370>

Абсолютное большинство нерусских народов Поволжья и Урала, особенно сельское население, находилось на территориях, где были введены земское и городское самоуправление. Это способствовало делу этнической консолидации и формированию идеологии политического национализма. Развитие промышленности предоставляло возможность для занятости на предприятиях, принадлежащих представителям любой национальности. Появление свободных профессий и государственных национальных школ способствовало формированию национальной интеллигенции. Право свободного перемещения и развитие международной финансовой системы создавали возможности для зарубежных поездок. Создание государственной системы образования и национальных учительских школ породило феномен светской интеллигенции, ещё не как элитной группы, но как общественных деятелей на местах.

Если у христианских народов края основными являлись светские учебные заведения, а не церковно-приходские, как это было до известных реформ 1860-х, то у татар и башкир сохранялась традиционная система конфессионального образования вплоть до полной победы большевиков и утверждения новой социальной системы в 1920-х гг. Просвещение мусульманских детей и молодёжи осуществлялось в виде религиозно-

го обучения в мектебе и медресе. В результате реформ были отменены ограничения при поступлении в учебные заведения, однако мусульмане не могли получать государственные стипендии. Поэтому, за исключением немногочисленных земских стипендий, образование могли получать только дети состоятельных родителей. Мусульманская старометодная (кадимистская) система образования не имела ничего общего даже с начальным русским образованием. Сама привлекательность русского образования была ограничена малочисленностью мусульман на государственной службе и невозможностью преподавания в средней и высшей школе. Незначительные масштабы собственно татаро-башкирской фабричной промышленности не давали спроса на инженерно-технический персонал. Даже в начале XX в. преимущественным оставалось классическое образование для детей дворян, интеллигенции и части духовенства и коммерческое – для детей буржуазии. Немногочисленные мусульманские интеллигенты принадлежали, как правило, к двум профессиям – врача и юриста.

Уровень грамотности мусульманского населения края, по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., был относительно высок. Так, Оренбургская губерния занимала 15-е место, а Уфимская – 30-е среди 40 губерний европейской части

России [1, с. 97]. Этот показатель среди мусульман-горожан даже выше среднего уровня. А так как сельское население составляло подавляющее большинство населения края, то именно уровень его грамотности являлся определяющим для общей грамотности. При этом относительно высокий уровень грамотности среди татар и башкир базировался во многом на показателе «умение читать на других языках» (т.е. на «тюрки»). Зато основной показатель – «умение читать и писать на русском языке» – был наиболее низок в сравнении с другими народами края.

Появившиеся накануне и в годы первой революции в России политические партии повели активную борьбу за влияние на молодёжь. В целом расстановка в молодёжном движении определялись наличием трёх основных направлений в общественно-политической жизни империи: консервативного, или помещичье-монархического; либерально-демократического, или буржуазного; радикально-демократического, или революционного. Правда, на восточных окраинах России общественно-политическая жизнь была более монолитной, но и там наметилась кое-какая социально-классовая дифференциация. В отличие от европейской России, где социалистические идеи родились и распространились в условиях серьёзных социальных изменений

в обществе под влиянием развития капитализма, в национальных районах первое знакомство с марксизмом состоялось в начале XX в. лишь на интеллектуальном уровне, во время учёбы или работы в русских городах или в результате личных контактов с русскими марксистами. Национальные политические партии на Востоке России были представлены буржуазно-консервативными группами татар (главная из них – партия «Союз мусульман» – «Иттифак муслимин»), социал-демократическими группами тех же татар и башкир (Х. Ямашев и газета «Урал»). Интересные наблюдения оставил в своих воспоминаниях Ахмет-Заки Валидов, прибывший в 1908 г. в Казань для учёбы. Он пишет, что в Казани существовала «молодёжная организация, стремящаяся провести преобразования в школах. ...Реформаторы выпускали газету под названием «Ислах». Я с ними встречался, но нашёл их деятельность бесплановой, самих их нерешительными, большинство идей беспочвенными» [2, с. 77]. Здесь оценка татарского союза молодёжи мемуаристом не важна, а ценна информация о наличии у этих молодых реформаторов довольно чёткой организации и печатного периодического органа – газеты. Вообще-то, до Февральской революции нигде в России организованного движения молодёжи не было, для этого просто не было условий (взрослые партии и то создавались и действовали нелегально или полулегально). Тем не менее, разрозненные союзы и кружки молодёжи и юношества действовали на свой страх и риск.

Весной-летом 1917 г. появились первые настоящие союзы татарской, башкирской, марийской, чувашской молодёжи, самыми известными из которых были союз татарской молодёжи «Берек» (Казань), «Общество мусульманской молодёжи» (Оренбург), «Союз учащихся-мусульман» в Уфе, Троицке и в ряде посёлков и селений, марийский «Союз учащихся» в Царёвококшайске и др. [3, с. 183; 4, с. 16-17]. В Казани и Уфе появились центры, координирующие движение шакирдов и талибов – учащихся мусульманских учебных заведений. Наиболее значительной организацией учащейся

татарской молодёжи в Казани, пожалуй, и во всём Волго-Уральском регионе был союз татарской молодёжи «Берек» («Единение») [4, 17].

Аналогичны были программы объединений марийской и чувашской молодёжи. Иначе быть не могло, поскольку национальная молодёжь была ещё далека от политики, она делала свои первые самостоятельные шаги. Возможно, исключением были «Объединение молодёжи Башкирии», возникшее также летом 1917 г. в Оренбурге, и знаменитая организация башкирской интеллигентской молодёжи «Тулкын» («Волна»), учреждённая на III Всебашкирском курултае (Учредительном съезде) башкир 18 (31) декабря 1917 г., которые сразу включились в движение за территориальную автономию («мухтарият») Башкортостана.

В 1917-1918 гг. работу среди марийской, мордовской, удмуртской и чувашской молодёжи вела межнациональная организация «Союз мелких народностей Поволжья», а также «Центральный союз Мари» («Марий Ушем»), «Чувашское национальное общество», «Общество Удмурт», созданные на соответствующих национальных съездах летом-осенью 1917 г. К сожалению, историки не располагают документальными источниками о конкретной ситуации с первыми молодёжными объединениями этих национальностей. Имеются лишь косвенные свидетельства о собраниях и встречах молодёжи, о кружках культурно-просветительского характера.

Ещё на первом съезде РКСМ (29 октября – 4 ноября 1918 г.) был поднят вопрос о работе среди молодёжи нерусских национальностей, национальных меньшинств, о создании национальных секций в союзе по примеру нацсекций РКП(б). Но обстоятельно разрешить его не удалось, так как на съезде отсутствовали представители основных национальных регионов. Впервые вопрос о национальных секциях в комсомоле был рассмотрен на расширенном заседании пленума ЦК РКСМ 26-28 апреля 1919 г. Учитывая опыт национальных секций партийных комитетов, пленум принял решение создавать секции при местных комитетах РКСМ для работы среди комсомольцев молодёжи, невла-

деющих языком общей организации. В то же время, опасаясь национализма и сепаратизма в своих рядах, пленум ЦК комсомола подчеркнул: «Национальные секции РКСМ имеют целью культурно-просветительную работу на родном языке и являются частью Союза (как его местных организаций, так и в центре)» [5, с. 19].

Надо сказать, при разработке проекта национальных секций ЦК РКСМ опирался на опыт латышских секций, которые были созданы в составе союзов рабочей молодёжи крупных пролетарских центров России (в том числе в Поволжье и Приуралье) ещё до образования РКСМ. 26-27 июля 1919 г. в Москве состоялась I Всероссийская конференция латышских секций РКСМ, которая имела решающее значение для определения путей комсомольской работы среди нерусской молодёжи. Сразу после конференции ЦК РКСМ утвердил инструкцию о латышских секциях комсомола. В ней, в частности, говорилось, что «секции на местах являются составной частью РКСМ и подчиняются решениям руководящих органов местных организаций» [6, с. 151]. Латышские секции РКСМ были фактически первыми национальными секциями в комсомоле, и по их примеру оформлялись секции молодёжи других национальностей.

Одной из основных задач в процессе созидания нового общества после революции стала задача воспитания «нового человека». Отделение школы от церкви стало важным шагом на этом пути. Но принятие государственного акта ещё не означало реального решения этого вопроса. Антирелигиозное воспитание становилось частью большой воспитательной работы, продолжавшейся многие годы. В эту работу постепенно включались различные государственные учреждения, партийные, комсомольские и общественные организации. Ключевое место в антирелигиозной работе с детьми занимала школа. В начале 1920-х годов этот вопрос не был столь острым для неё. Особенно жёсткого подхода к искоренению религиозности детей на уроках в школе в это время не наблюдалось. Как архивные документы, так и публикации в педагогической периодике говорят

скорее о необходимости бороться с религиозными предрассудками, нежели предлагают какие-либо радикальные меры. Методы проведения уроков физики, химии, естествознания, трудно назвать «воинствующими».

Культурно-просветительная работа комсомола под руководством партии большевиков представляла собой прежде всего политическое просвещение юношей и девушек. Конец гражданской войны на территории края создал благоприятные условия для развёртывания культурной революции и политического просвещения масс. Активное участие в них принимали комсомольские организации и их национальные секции. Они добивались предоставления молодёжи всех политических и экономических прав, обеспечения доступа к образованию и культуре. Это способствовало усилению притока в ряды РКСМ национальной молодёжи. Об этом красноречиво свидетельствуют даже отдельно взятые факты, отражавшие динамику роста местных комсомольских организаций за счёт вступления в их ряды многонациональной массы молодёжи деревни и города. Так, в Бузулукской городской и уездной организациях РКСМ Самарской губернии, вместе взятых, летом 1919 г. насчитывалось всего 185 комсомольцев. Через год, в конце лета 1920 г., только Бузулукская городская организация выросла до 120 членов РКСМ, а уездная – увеличилась до 735 комсомольцев [7]. В Казанской организации РКСМ в момент её оформления в апреле 1919 г. было всего 220 комсомольцев, а к концу года в организации уже насчитывалось 5490 членов РКСМ [8, с. 69].

В то же время во многих «медвежьих углах» культурно-просветительная деятельность комсомола встречала активное сопротивление реакционных элементов. Несмотря на усилия Советской власти и правящей партии завоевать доверие среднего крестьянства, значительная часть сельских тружеников в регионе принимала активное участие в антисоветских вооружённых выступлениях 1919-1920 гг. («вилочный бунт», восстание «Чёрного Орла» и пр.). Неразрешённость аграрного вопроса в Башкирии, Оренбургско-Тургайской и Прикас-

пийской областях, нигилизм, а чаще враждебность, местных коммунистических руководителей по отношению к башкирам и казахам возбуждали недовольство у местного населения, чем воспользовались организаторы антисоветского сопротивления. Некоммунистические партии и союзы в Поволжье и на Урале постепенно сошли с исторической арены. Большевики по ходу дела успешно расправились с национальными демократиями – казахской «Алаш Ордой» (март 1920 г.) и валидовской автономной Башкирией (июнь 1920 г.), следствием чего стало повстанческое движение горных и зауральских башкир (1920-1921 гг.) и казахов (1920-1922 гг.). Другую серьёзную трудность для культурно-просветительной работы среди национальной молодёжи представляли консервативно настроенные элементы – старая интеллигенция и мусульманское духовенство. Естественно, они, особенно последнее, лишённые права преподавания в государственных учебных заведениях, подбивали тёмные массы на борьбу с Советской властью, против новой школы и нового учителя, против исключения религиозных дисциплин из школьной программы. Ещё в конце 1918 г., например, на Пензенской губернской конференции школьных работников реакционному учительству удалось завоевать большинство на свою сторону и выступить против мероприятий советского правительства в сфере образования и просвещения [9, с. 2]. Активно противодействовал Соввласти также Уфимский союз учителей, выступивший за отмену положения о единой трудовой школе и других преобразований в области образования и культуры [10]. Среди мусульманского населения Новоузенского уезда Самарской губернии местное духовенство вело усиленную агитацию против советской школы. Под влиянием этой провокационной агитации, писала центральная газета «Жизнь национальностей» (кстати, орган Наркомнаца, возглавляемого тов. Сталиным), советские школы во многих сёлах были закрыты, а учителя просто на просто изгонялись [11, с. 3]. Противники Соввласти стремились использовать в своей агитации явные

ошибки и перегибы её местных органов. На Всероссийском съезде по просвещению национальных меньшинств в августе 1919 г. у части работников культурного фронта наметилась тенденция к игнорированию национальных особенностей нерусских народов, даже отрицанию необходимости обучения на родном языке [12]. Ошибки нигилистического характера, неизбежные в условиях ультраинтернационалистической эйфории первых лет Соввласти, легко использовались различными антисоветскими элементами, в особенности, как это свидетельствуют документы, татарскими и чувашскими националистами.

Если быть объективными, то должны признать, что Советская власть впервые в мире открыла доступ к образованию представителям всех народов и нацменьшинств в стране, предоставив возможность развивать свою культуру и родной язык. В начале октября 1918 г. Наркомат просвещения РСФСР разработал проект декрета о национальной школе. После тщательного рассмотрения специальная комиссия из представителей Наркомпроса и Наркомнаца приняла 17 октября 1918 г. окончательный текст постановления Наркомпроса о школах для национальных меньшинств [13]. В нём провозглашается право на обучение всех национальностей, населяющих РСФСР, родному языку в единой трудовой школе и высших учебных заведениях. Вместе с тем в школах национальных меньшинств вводилось обязательное изучение того языка, на котором говорило большинство населения данной территории. Это имело значение, это было такое установление, которое снимало многие недоразумения в отношении организации преподавания национальных языков в автономиях РСФСР. Национальные школы по своему правовому, финансовому и административному статусам были поставлены в одинаковые условия с русскими школами. И конечно же, важнейшим достижением Соввласти было создание и для нерусских народов школы II ступени, открывавшей реальный доступ к высшему образованию. Таким образом, была создана основа для дальнейшего развёрты-

вания культурной революции и просветительной работы, в том числе и среди многонациональной молодёжи в Поволжско-Уральском регионе.

В заключение отмечу феноменальную способность Советов, правящей партии и её помощника – Комсомола – применять исключительно разнообразные формы, методы и средства политико-просветительной работы в среде многонациональной молодёжи, направить юношей и девушек на путь своеобразного созидания, усвоения культуры, образования, просвещения, хотя бы специфическим образом, на сохранение национального языка и традиций, порвав с предрассудками и религиозным фанатизмом. Объективно в 1920-е гг. Советская власть и партия Ленина выбрали единственно верный вектор общественного развития. Возможно, в этом была одна из причин победы большевиков над старыми устоями. Но в жизни ничто не вечно. Сама советская система через десятилетия отжила свой век, которую сокрушили свежие молодые силы прогресса.

References:

1. Birskaia starina: istoriko-kraevedcheskij al'manah [Birk antiquity: local history almanac]., Issue 2. – Birk., 2009. – 180 p.
2. Togan Validi Z. Vospominanija [Zeki Velidi Togan. Memoires]., Vol. 1. – Ufa, 1994. – 400 p.
3. Masalimov R.N. Dokomsomol'skaja istorija molodjozhnogo dvizhenija v Bashkirii., Bashkirija v sostave Rossijskoj Federacii: istorija, sovremennost', perspektivy [Pre-Komsomol history of the youth movement in Bashkiria., Bashkiria as a part of the Russian Federation: history, present days, prospects]., Issue 2. – Ufa., 2010., pp. 181-184.
4. Masalimov R.N. Nacional'nye sojuzy molodjozhi Rossii (1917-1929 gg.) [National unions of Russian youth (1917-1929)]. – Birk., 1996. – 92 p.
5. Junyj kommunist [Young communist]. – 1919. – 1 avgusta., No. 6/7.
6. Raevskij V.R. Latyshskie sekcii RKP(b) [Latvian sections of RCP(b)]. – Riga., 1976. – 192 p.
7. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)

[Russian State Archive of Socio-political History (RSASPH)]. – F. 17., Op. 12., D. 455., L. 96.

8. Junost' Tatarstana: Oчерki istorii komsomola Tatarii [Youth of Tatarstan: Historical Sketches of Tataria Komsomol]. – Kazan', 1978. – 463 p.

9. Izvestija Penzenskogo gubispolkoma i gorsoveta rabochih i krest'janskij deputatov [News of the Penza executive committee and the city council of the workers and country deputies]. – 1919., 2 janvarja., No. 2.

10. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Socio-political History]. – F. 17., Op. 12., D. 455., L. 96.

11. Zhizn' nacional'nostej [Life of nationalities]. – 1919., 19 oktjabrja. – No. 40.

12. GARF [State Archive of the Russian Federation]. – F. 296. – Op. 1., D. 3., L. 19.

13. GARF [State Archive of the Russian Federation]. – F. 3306. – Op. 1., D. 12., Ll. 2, 5-6, 8.

Литература:

1. Бирская старина: историко-краеведческий альманах., Вып. 2. – Бирск., 2009. – 180 с.
2. Тоган Валиди З. Воспоминания., Кн. 1. – Уфа, 1994. – 400 с.
3. Масалимов Р.Н. Докомсомольская история молодёжного движения в Башкирии., Башкирия в составе Рос-

сийской Федерации: история, современность, перспективы., Ч. 2. – Уфа., 2010., С. 181-184.

4. Масалимов Р.Н. Национальные союзы молодёжи России (1917-1929 гг.). – Бирск., 1996. – 92 с.

5. Юный коммунист. – 1919. – 1 августа., No. 6/7.

6. Раевский В.Р. Латышские секции РКП(б). – Рига., 1976. – 192 с.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17., Оп. 12., Д. 455., Л. 96.

8. Юность Татарстана: Очерки истории комсомола Татарии. – Казань., 1978. – 463 с.

9. Известия Пензенского губисполкома и горсовета рабочих и крестьянских депутатов. – 1919., 2 января., No. 2.

10. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17., Оп. 12., Д. 455., Л. 96.

11. Жизнь национальностей. – 1919., 19 октября. – No. 40.

12. ГАРФ. – Ф. 296. – Оп. 1., Д. 3., Л. 19.

13. ГАРФ. – Ф. 3306. – Оп. 1., Д. 12., Лл. 2, 5-6, 8.

Information about author:

Riyaz Masalimov - Candidate of History, Associate Professor, Bashkir State University; address: Russia, Birk city; e-mail: istfak10@mail.ru

